

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 130
(2035)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Дугина «Враги и друзья», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 15 сентября 2021 года. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/russkaya_geopolitika_ot_momenta_k_epohe

Вологда,
сентябрь 2021

Враги и друзья

Русская геополитика: от момента к эпохе

Стоит напомнить о значении геополитики. Именно геополитика спасла Россию в 90-е. Когда рухнула советская идеология, на ее месте оказались вакуум и ... либерализм. Либерализм был идеологией победившего в «холодной войне» лагеря. Принять либерализм новой российской элите было все равно, что признать поражение и сдаться на милость победителей. Так Ельцин и, главное, его окружение, состоявшее подчас из прямой агентуры влияния, и поступили. Поэтому ложь, что в России нет идеологии. Она есть – это либерализм, он утвердился в качестве главенствующей парадигмы в 90-е годы. Истории про «отсутствие идеологии» и статью в Конституции была для доверчивых масс. И этот пункт толковался только как инструмент давления и криминализации нелиберальных идеологий – прежде всего коммунизма, но также и нарождавшегося с конца 80-х правого национализма.

Однако, по логике победителей, американские кураторы теперь требовали от России не только идеологического вассалитета (это было гарантировано), но и стратегического. И на всякий случай расширяли НАТО на Восток, пытаясь вырвать у растерянной оглоушенной России все, что можно, что «плохо лежало» – от Восточной Европы до постсоветских республик и даже отдельных областей внутри РФ (отсюда Чечня, Северный Кавказ и провозглашение суверенитета Татарстаном, Башкирией и Якутией). Политическая элита 90-х, состоявшая из либералов, в целом была готова на это. Но вот военные... У них начался когнитивный диссонанс. Ранее они видели мир через призму идеологического противостояния. Всё пространство было строго расчерчено. Они и мы, друзья и враги. И в зависимости от этих зон, границ и областей строилось стратегическое планирование, определялись приоритетные направления оборонной политики, верстались статьи военного бюджета, организовывались образовательные программы и вся система военного обучения.

И вот в один момент всё рухнуло. Коммунистическая идеология была упразднена и даже запрещена (на какое-то время). Из-под армии как важнейшего государствообразующего организма была выбита опора. Вооруженные силы стали стремительно разлагаться.

Для военных было непонятно, если Запад теперь друг, то почему НАТО тянется к нашим границам и оттуда оказывается помощь сепаратизму внутри России? Разве так поступают друзья? А если Запад по-прежнему враг, – теперь уже вне связи с идеологией, ведь Россия стала капиталистическим обществом и парламентской демократией, – то на каком основании?

Именно в этот момент в Академии Генштаба, которой руководил в начале 90-х генерал Игорь Родионов, ставший в последствии Министром Обороны, была обнаружена такая дисциплина, как геополитика. Геополитика объясняла противостояние цивилизации Моря (Запад, атлантизм, блок НАТО, англосаксонский мир в целом) и цивилизации Суши (Евразия, сухопутный блок, Россия) безо всякой привязки к идеологии. Геополитические принципы были сформулированы еще в начале XX века англичанином Хэлфордом Макиндером и американским адмиралом Мэхэном. И в этих схемах, картах и довольно простых обобщениях как на ладони было видно настоящее – Большая Игра между Британией и Российской Империей, а также будущее – алгоритм поведения стран Антанты в период Гражданской войны в России, расклад сил во Второй мировой войне и позиционные блоки эпохи «войны холодной».

И самое главное – геополитика (Море против Суши, Атлантизм против Евразийства, талассократия против теллурократии, глобализм против континентализма и Heartland'a) прекрасно объясняла все то, что происходило после распада СССР – в те же 90-е.

Так в России в 90-е сложилось два полюса глобального стратегического планирования. Либералы и западники, начиная с первого министра иностранных дел при Ельцине Андрея Козырева, открыто признавали себя «атлантистами». А военные, которым над было защищать страну и её суверенитет (даже в новых идеологических условиях), всё больше осваивали геополитику. Не потому, что были слишком интеллектуально продвинуты, но потому, что им жизненно необходима была базовая и довольно понятная схема, карта, объясняющая просто и наглядно, что происходит в мире на уровне реальных или

возможных военно-стратегических конфронтаций. Раньше такая карта строилась на основах идеологии по внятной и прозрачной логике: социалистический лагерь – Друг, капиталистический – Враг. В новых условиях такое объяснение было более непригодно, двухполюсный мир исчез. А потребность в стратегическом и оборонном мышлении и планировании осталась.

Так геополитика вошла в нашу жизнь.

Игорь Родионов, ставший настаивать на геополитическом подходе и в Академии Генштаба, и на посту министра Обороны, столкнувшись с противостоянием американской агентуры в Правительстве Ельцина, довольно быстро был смещен со своего поста. Но на этом геополитика в армейском руководстве не закончилась.

Между тем противоречия между либералами в российском руководстве и объективным ходом геополитической истории нарастали и вылились в единодушный социальный протест в момент югославских событий 1998, когда НАТО стало бомбить Югославию. Министр иностранных дел, реалист и прагматик, Примаков в этот момент совершает символический вираж над Атлантикой, отказавшись, – после того, как он узнал о начале натовских бомбардировках Сербии, – приземлиться в США, как планировалось раньше. Конечно, в российской политике либерализм по-прежнему доминировал, и Милошевича Ельцин предал, но значение геополитического метода резко возросло в глазах как самих военных и силовиков в широком смысле, так и среди реалистов в правящей элите, которые стали дистанцироваться от прямых агентов влияния и олигархических кланов, замкнутых напрямую на западных кураторов.

Настоящим «моментом геополитики» стал приход к власти Путина. Противостояние между либеральным (или находящимся под тотальным контролем либералов) правителем (как было при Ельцине) и силовиками закончилось. Путин дал геополитике зелёный свет, и сам стал обращаться к ней всё чаще и чаще. И тут же внешняя политика страны стала приобретать когерентность, последовательность и логику. Снова стало понятно, кто друг, кто враг.

Враг – глобализм, атлантизм, американская гегемония. Друзья – те, кто выступают против однополярного мира, за многополярный. Вместе с Путиным во внешнюю политику вернулась логика.

Военные вздохнули с облегчением. Наконец-то. Теперь всё понятно.

Но с внутренней политикой и тем более с экономикой все оказалось намного сложнее. Здесь либералам удалось сохранить свои позиции в достаточной мере. Путин устранил только самых одиозных и ярких агентов влияния. Остальных оставил. Они и сейчас здесь.

И вот подходит момент трансфера власти. В каком направлении? Как вернуться в 90-е, представить себе довольно легко. О геополитике (суверенитете, стратегическом планировании, многополярности и т.д.) надо просто забыть. Но если не рушиться в либеральное в прошлое, а сделать шаг в патриотическое будущее?

Тогда надо применить основы геополитики и внутри страны, чем Путин пока, строго говоря, и не начинал заниматься, откладывая, видимо, на потом.

Нынешние строгие меры против иностранных агентов лишь разминка. Дело в том, что либерализм не просто случайно совпал с атлантизмом. Это две стороны одной медали. Поэтому сохранение в России либеральной (пусть и лояльной лично Путину) элиты – это неразрешимое геополитическое противоречие. И столь же противоречиво сохранение крайних форм капиталистической формы хозяйства – то есть того же либерализма в экономике.

Здесь интересный момент. Да, в России военные являются «коллективным геополитиком». И с этим «коллективным геополитиком» в конструктивном диалоге находится Путин. Но у нас есть и еще один – стихийный – «геополитик». Это (русский) народ. И вот он-то прекрасно понимает, или скорее остро интуитивно чувствует, что суверенитет России, ее независимость и мощь несовместимы с либеральными экономикой, культурой, образованием, ценностями и т.д. И шаг вперед в таком случае будет означать полное признание законов геополитики во всех областях. Это не просто шаг в сторону военных, но в сторону общества, требующего двух вещей:

- сильной державы и
- социальной справедливости.

Либеральная идеология несовместима ни с тем, ни с другим.

На уровне стратегии либерализм – это откровенное предательство и работа в интересах врага (удар по патриотизму).

В идеологии и экономике – это подрыв коллективной идентичности (удар по народному самосознанию и социальной справедливости).

Если трансфер власти будет обращен к такому патриотическому будущему, то путинский «момент геополитики» в России сменится «эрой геополитики». Тогда геополитика станет не только внешней, но и внутренней. И все вещи сразу же займут свои места, которые им и надлежит занять.

Александр Дугин